

А. И. Иванчик, В. П. Толстикова, А.В. Ковальчук

НОВАЯ НАДГРОБНАЯ ЭПИГРАММА ИЗ ПАНТИКАПЕЯ

За последние 30 лет археологических раскопок Боспорской экспедиции Государственного Музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в районе вершины Первого кресла горы Митридат, в центральной части территории акрополя был сделан ряд открытий и находок, имеющих принципиальное значение для воссоздания различных периодов истории столицы Боспора¹. Среди них особое место занимают эпиграфические документы, подавляющее большинство которых составляют фрагменты мраморных и известняковых плит с текстами декретов². В ряду этих памятников особняком стоит надпись, обнаруженная в ходе раскопок в 2005 году³. Речь идет о плите с надписью, открытой на квадрате 47 раскопа Центральный-Северный⁴ (рис. 1).

Слой, в котором обнаружена рассматриваемая плита, датируется на основании амфорного и иных категорий массового керамического материала I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э. С этим слоем связан ряд строительных объектов, а именно: кладки № 371, 375 и 367, относящиеся к системе подпорных стен террасы, сооружение которой следует отнести, по-видимому, к середине – второй половине I в. до н.э.

Кладка № 371 расположена на квадратах 15–16 по трассе запад–восток. Ее исследованная длина составляет около 10,5 м (восточное продолжение уходит в борт раскопа). Кладка своим западным концом пристроена к более ранней кладке № 352. В кладке № 371, так же как и в кладке № 352 эллинистического периода, следует видеть подпорную стену террасы. При возведении кладки № 371 был полностью разрушен пункт стыка более ранних кладок № 352 и 366, оформлявших один из регулярных углов этой эллинистической террасы (рис. 2).

Кладка № 371 имеет трехслойную конструкцию: внешний, северный, панцирь сооружен из наломов известняка с суммарно подтесанными лицевыми плоскостями. Камни уложены без соблюдения рядности. Использованы камни как довольно крупного формата (0,70 × 0,55 м), так и более мелкие. Швы между кам-

¹ Толстикова В.П. О системе обороны акрополя Пантикапея // СГМИИ. 1984. VII. С. 8–56; *он же*. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1. С. 88–114; *он же*. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 45–99; *он же*. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. 1992. X. С. 41–65; *он же*. Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // Древности Боспора. 4. 2001. С. 385–426.

² Толстикова В.П., Виноградов Ю.Г. Декрет Спартокидов из дворцового храма на акрополе Пантикапея // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 282–304; Виноградов Ю.Г., Шелов-Коведяев Ф.В., Толстикова В.П. Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 2002. № 4. С. 58–75.

³ Раскопки велись под руководством начальника Боспорской экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина В.П. Толстикова. Ему же в данной статье принадлежит описание контекста находки надписи. Обмеры и описание плиты выполнены на месте раскопок В.П. Толстиковой и А.В. Ковальчук. А.В. Ковальчук предложила также первичное прочтение текста. Окончательное чтение надписи, ее перевод и комментарий выполнены А.И. Иванчиком на основе фотографий, сделанных В.П. Толстиковой.

⁴ Раскопки на данном участке велись под руководством Д.В. Журавлева.

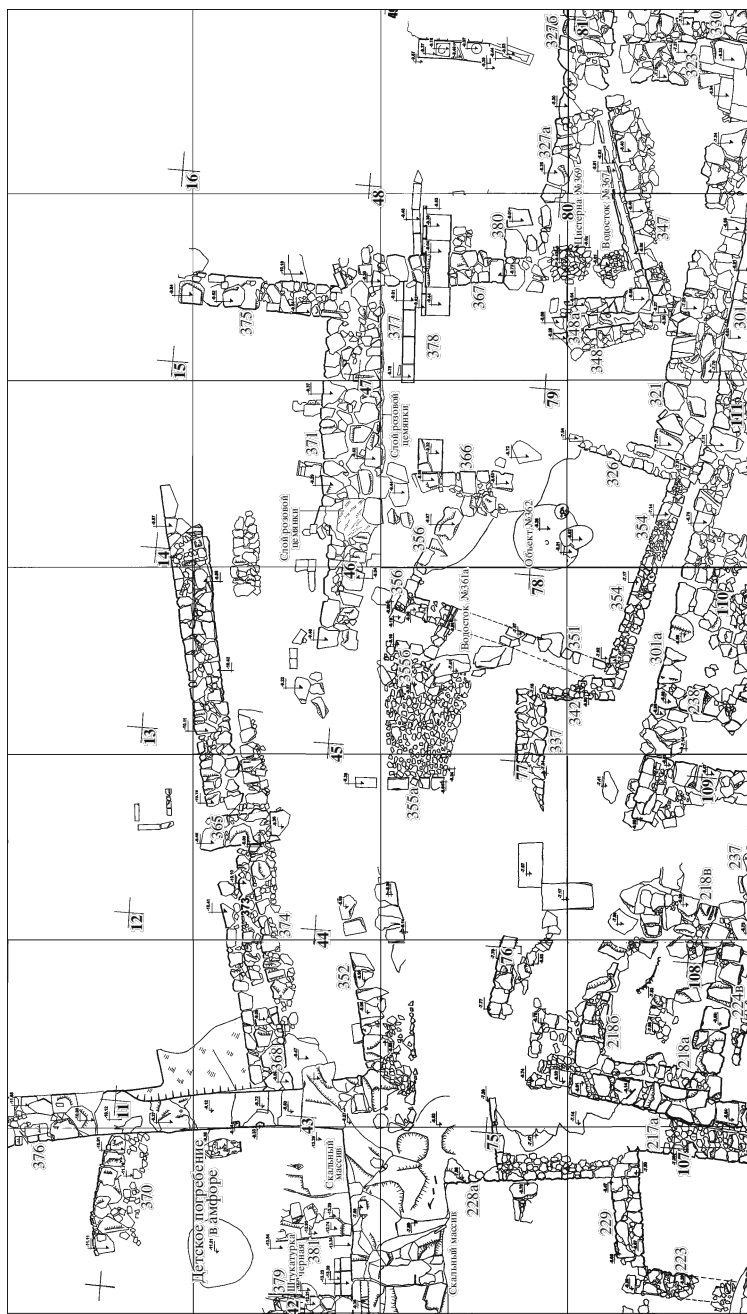

Рис. 1. План участка, на котором была обнаружена надпись

ниями забиты щебнем. Внутренний, южный, панцирь сооружен небрежно и пристроен к подрезу материковой глины. Толщина кладки № 371 составляет 1.35–1.65 м. Важной конструктивной и (в известном смысле) датирующей особенностью этой кладки является использование в ней слоев розовой цемянки – связующего раствора, пролитого при сооружении кладки по всей ее толщине.

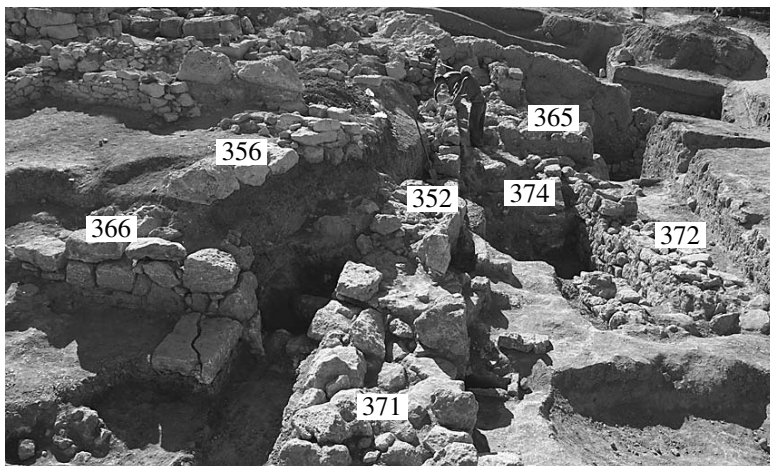

Рис. 2. Пункт соединения кладок № 352 и 366, разрушенный более поздней кладкой № 371. Вид с востока

Рис. 3. Место находки фрагментированной плиты с надписью. Плита после расчистки повернута лицевой стороной наружу. Вид с запада

В кладке заметны отдельные блоки вторичного использования, некоторые из них имеют тщательную отеску. К таким строительным материалам вторичного использования должна быть отнесена и фрагментированная плита с надписью, публикуемой в данной статье. Плита, как было сказано, обнаружена на квадрате 47, непосредственно у южного, внутреннего, фаса кладки № 371, в слое выборки этой кладки на штыке 17 (отметка -9.60) (рис. 3)⁵.

Надпись выполнена на плите известняка желтоватого цвета (рис. 4, вклейка). Размеры плиты: высота – 0.57 м, ширина – 0.42–0.44 м, толщина – 0.17 м. Плита незначительно расширяется книзу. Лицевой фас тщательно отшлифован, левый, правый и нижний фасы обработаны следующим образом: прилегающая к лицевой стороне полоса шириной 8 см на левом фасае и 8.5 см на правом и ниж-

⁵ Полевая опись: М-2005, № 182.

нем тщательно подтесаны, далее поверхность фасов обработана суммарно. Тыльная плоскость также обработана суммарно. Верхняя часть плиты отбита и утрачена.

Эпиграфическое поле находится на лицевом фасе плиты, верхняя его часть отбита. На поле имеются мелкие выбоины, но в целом надпись сохранилась хорошо. Высота букв – 1.4–1.6 см, среднее расстояние между строками – 1.2 см. Строки 1, 5, 7 отступают от края плиты на 2 см. Буквы вырезаны достаточно глубоко, ровно и тщательно, вероятно, по предварительной разметке, следы которой на плите не сохранились, украшены небольшими апексами. *Альфа* имеет ломаную горизонтальную гасту. Средняя черта *эпсилон* немного не доходит до вертикальной гасты. *Тета* имеет поперечную линию, не смыкающуюся с ее окружностью. Косые линии *каппы* укорочены. *Пи* имеет укороченную правую гасту, причем концы горизонтальной перекладки выступают за пределы вертикальных гаст. Петля *ро* маленького размера. Верхние гасты *ипсилон* несколько изогнуты. *Омега* имеет форму разомкнутого снизу круга, от концов которого отходят горизонтальные штрихи. *Омикрон*, *омега* и *тета* имеют те же размеры, что остальные буквы. Учитывая эти признаки, по шрифту надпись может быть датирована второй половиной I в. до н.э. – началом I в. н.э. Близкий шрифт использован в надписях эпохи Асандра (КБН 30, 913) и Динамии (КБН 31, 38, 978). Данная надпись входит в достаточно обширную группу пантикапейских стихотворных надгробий второй половины I в. до н.э. – I в. н.э., выполненных сходным шрифтом на известняке или мраморе, возможно, в одной и той же мастерской⁶. Между второй и третьей строками в конце вписаны буквы, видимо, первоначально пропущенные резчиком. Он, вероятно, заметил ошибку, когда уже начал вырезать третью строку, но еще не дописал ее до конца. Резчик исправил ошибку, вписав недостающие буквы под последним словом второй строки, и в результате последние буквы третьей строки он был вынужден вырезать несколько ниже остальной строки и уменьшить их размер.

Текст читается следующим образом:

[- -]

δι[ς] δεκάδας δ' ἐτ[έων]

πλήσας δύστανο[ς] ἐπεὶ [τ]_{ov subscriptum}

[χ]ῶρον εὐσεβέων Αἶδει [ῆ]λθα

[τ]ῶν δ' ἐπιτυμβί[δ]ιον σῶλαυ

5 ἔστασεν ὁ θρέψ[ας] vac.

χαῖρε καὶ ἄν ἀνύε[ι]ς ἀτραπὸν

ἐκτελέσας vac.

...Когда (мне) дважды исполнился десяток лет,

несчастный, я ушел

в место благочестивых в Аиде.

Эту надгробную стелу

поставил воспитатель.

Здравствуй и, если закончил (читать),

да завершишь (свой) путь!

⁶ КБН 121–143; *Болтунова А.И.* Метрическая эпитафия из пантикапейского некрополя // ВДИ. 1968. № 2. С. 130–132. Еще один фрагмент стихотворной эпитафии этой группы готовит к публикации С.Р. Тохтасев. Благодарим его за информацию об этой надписи и ценные замечания по данной статье.

Надпись представляет собой стихотворную эпитафию, написанную элегическими дистихами.

Первый гекзаметр занимает строки 1 и 2 и не содержит метрических погрешностей, если не считать того, что второй слог ἐλεῖ (по-видимому, = ἐπι) скандируется как долгий. Больше проблем вызывает пентаметр, занимающий третью строку. Первый его колон, χῶρον εὐσεβέων, вполне правилен. В слове χῶρον второй слог скандируется как долгий, как это часто бывает в гекзаметрической и элегической поэзии в такой позиции: краткий гласный + *ню* перед начальным гласным создает долгий слог⁷.

При интерпретации второго колона возникают сложности. Прежде всего, первый слог после цезуры должен быть долгим. Это не составляет проблемы: в поэзии достаточно многочисленны случаи, когда первый слог в трехсложном имени Аида (обычно краткий) скандируется как долгий (в том числе в одной из пантикапейских эпитафий близкого времени, КБН 132. 5). Далее, восстановление [ῆ]λθα в конце строки (о форме см. ниже), видимо, не имеет убедительной альтернативы, и, таким образом, здесь имеется *contractio*. Контракция во втором колоне пентаметра, крайне редкая в ранней поэзии (М. Уэсту известен лишь один пример), в римское время становится более употребительной⁸, так что такая интерпретация вполне допустима. Подобные случаи засвидетельствованы и на Боспоре: в эпитафии КБН 1113. 2 – IV в. до н.э. и в надгробии Гликариона, примерно синхронном публикуемому⁹. Однако в лакуне между хорошо читаемыми на камне ΑΙΔΕΙ и ΛΘΑ может поместиться лишь одна буква; нет возможности восстанавливать целый слог или два и после λθα: место есть лишь для одной буквы. Поэтому приходится предполагать, что слово 'Αἰδεῖ здесь читается по метрической схеме – ◡ ◡ – или – – – (если допустить вторую контракцию).

Форма 'Αἰδεῖ, стоящая на камне, весьма редкая: здесь ожидалась бы форма генетива (дорийская 'Αἰδα или эпическая 'Αἰδαο, 'Αἰδεω, либо 'Αἰδου, -ος) или датива 'Αἰδῆ, 'Αἰδι. Форма датива 'Αἰδεῖ или ἄδεῖ в поздних текстах встречается, хотя и очень редко (Didym. Caes. Comm. in Psalmos 22–26. 10; 74. 2 (при этом в Септуагинте употребляется только форма ἄδῆ); Hist. Alex. Magn. III. 33R. 99; Steph. Alchem. De magna et sacra arte. II. 249. 26; эпиграфические свидетельства нам не известны). Развитие окончания датива -ῆι > -εῖ засвидетельствовано в аттических надписях IV–II вв. до н.э.; такое окончание было воспринято койне, хотя и в ограниченной мере (встречается и в папирусах)¹⁰. Однако в данном случае, скорее всего, объяснение стоящей в надписи формы иное. В результате развития итацизма последний гласный в дативе имени Аида произносился в это время как *i* – долгий (из формы 'Αἰδῆ) или краткий ('Αἰδι), и версификатор мог в зависимости от требований метра выбирать форму с долгим или кратким последним слогом. В то же время количественное различие между гласными в это время утрачивалось, если уже не утратилось, и, следовательно, в произношении обе формы совпадали. При этом не только долгий, но и краткий *i* могли одинаково передаваться на письме не только *ιотой*, но и сочетанием *ει* (в том числе в

⁷ West M.L. Greek Metre. Oxf., 1982. P. 16, 156 с литературой.

⁸ Ibid. P. 45, 181.

⁹ Болтунова. Метрическая эпитафия... С. 131, стк. 4. Здесь, кроме того, второй слог слова τ(αῦ)τα (камень ΤΟΥΑΤΑ) скандируется как долгий.

¹⁰ Schwyzer E. Griechische Grammatik. Bd I. Allgemeiner Teil. Lautlehre, Wortbildung, Flexion. Stuttgart, 1977. S. 200–202.

дативе; ср., например, Διεί: КБН 1021)¹¹. Все это, очевидно, и привело к появлению странной формы Ἄιδει (не только в данной эпиграмме, но и в процитированных выше поздних текстах). Видимо, когда автору нашей эпиграммы понадобилась форма датива с долгим последним слогом, он написал Ἄιδει там, где его более образованный коллега написал бы традиционную по орфографии, но неотличимую на слух форму Ἄιδῃ (ср. аналогичное превращение ᾠδῃ Септуагинты в ᾠδεῖ ее комментатора Дидима Цека, см. выше). Видимо, аналогичный случай мы находим и в первой строке, где ἐπεῖ стоит вместо ἐπί (ср. εἰν Ἀεῖδῃ – КБН 125. 8).

В соответствии с требованиями метра второй слог, образуемый *иотой*, здесь тоже должен скандироваться как долгий. Примеры этого в боспорских надписях неизвестны (*иота* в имени Аида всегда краткая, в том числе и в упомянутой выше форме Ἀεῖδῃ), да и вообще встречаются редко¹². Однако необходимость скандировать этот слог как долгий в данном случае – скорее изменение формы ad hoc, объясняемое тем, что составивший эпиграмму стихотворец не вполне совладал с метром. С помощью этого усилия можно избежать досадного сбоя в метре и спасти правильность стиха, предполагая, что второй колон пентаметра в нем содержит две контракции.

Завершающий эпиграмму дистих совершенно правилен с метрической точки зрения. Таким образом, эпиграмма, записанная по строкам, будет иметь следующий вид:

[- - -]
 δις δεκάδας δ' ἐτέων / πλήσας δύστανος ἐπεὶ τὸν /
 χῶρον εὐσεβέων Ἄιδει ἦλθα /
 τὰν δ' ἐπιτυμβίδιον στάλαν / ἔστασεν ὁ θρέψας /
 χαῖρε καὶ ἂν ἀνύεις ἀτραπὸν / ἐκτελεσσαίς.

То, что каждая вторая строка написана с отступом от края, возможно, было сделано по просьбе заказчика и, вероятно, по его замыслу должно было коррелировать со строками эпиграммы, однако этот замысел резчиком воплощен не был: первый из сохранившихся гекзаметров растянулся у него на две строки (причем конец в строке не уместился), пентаметр уместился в одну строку, второй гекзаметр занял две строки (с *vasat* в конце второй из них), второй пентаметр – также две строки, причем в последней из них стоит лишь одно слово.

В связи с расположением надписи в эпиграфическом поле следует обратить внимание на восстановление поврежденного начала третьей строки. Если предполагать, что резчик везде выдерживал отступ в каждой второй строке, то здесь перед *омегой*, остаток которой сохранился на камне, нет места для еще одной буквы; ее можно восстановить только предположив, что эта строка, как предыдущая и последующая, начинаются от края камня. Такая возможность кажется предпочтительной, особенно учитывая упомянутую выше ошибку, допущенную резчиком именно в этой части надписи. В качестве альтернативы можно предполагать, что *хи* была написана между второй и третьей строками после τὸν (место для нее на камне есть), однако это маловероятно.

¹¹ Примеры для Боспора см. *Доватур А.И.* Краткий очерк грамматики боспорских надписей // КБН. С. 803–804, § I А, 8, 2–3.

¹² См., например, ἐν Ἀεῖδι в эпитафии SEGO III (2001), 16/31/93В. 10 из Фригии (первый слог при этом краткий).

Эпиграмма не только по шрифту, но и по словоупотреблению и использованным мотивам близка упомянутой выше группе пантикапейских надгробий рубежа нашей эры, что лишний раз свидетельствует об их общем происхождении. Впрочем, большая часть этих слов и мотивов была вполне банальна для стихотворных эпитафий и всего греческого мира.

Строка 1. Счет возраста умершего по декадам достаточно часто встречается в надгробных метрических надписях (имеется несколько десятков примеров); на Боспоре он уже был известен по надписям КБН 131. 9; 1057. 3 (ср. в других причерноморских городах: IOSPE I². 716, 5 = НЭПХ II. 186; ISM. II. 1. 271, 4; II. 2. 269. 4; IG Bulg. IV. 1963, 1). Умерший, таким образом, был молодым 20-летним человеком. Его имя содержали несохранившиеся начальные строки надписи; здесь же могли быть и указания на обстоятельства его смерти, род занятий, происхождение и т.д.

Строка 2. Слово $\delta\upsilon\sigma\tau\alpha/\eta\nu\omicron\varsigma$ в пантикапейских эпитафиях уже четырежды встречалось, причем два раза относилось к родителям умершего (КБН 125. 11; 127. 9) и дважды – к нему самому (КБН 130. 14; 146. 4). По-видимому, особое пристрастие к этому слову составляло индивидуальную особенность пантикапейских стихотворцев (или стихотворца, если предполагать, что все эти эпиграммы написаны одним автором), писавших для погребальных памятников на рубеже эр. В надписях черноморского региона за пределами Пантикапея оно более не встречается. Более того, и во всем античном мире нет ни одного центра, где бы это поэтическое слово было зафиксировано надписями более одного раза; даже в Аттике, несмотря на огромное количество надгробий, оно засвидетельствовано лишь однажды (IG II/III. 9713. 6 – II в. н.э.). Всего в метрических надписях оно встречается около 30 раз. На этом фоне пять боспорских надгробий, использующих его, составляют весьма значительный процент. В литературе это слово употребляется нередко начиная с Гомера, чаще всего в поэтических текстах, но также и в прозе.

Строка 3. Форма $\eta\lambda\theta\alpha$ в эпиграфическую поэзию проникает с I в. н.э.: GVI 969. 7 (= SEGO I (1998). 04/08/02. Daldis, Лидия, I в. н.э.); 986. 2 (Спарта, II–III вв.); SEG XXIV. 607. 9 (I–III вв.); SEGO III (2001). 14/06/16 (Лаодикея Катакекавмене, Ликаония, христианская надпись). Пантикапейская эпиграмма, таким образом, является одним из самых ранних ее свидетельств.

Данная строка представляет определенный интерес для изучения эсхатологических представлений, характерных для бытовой культуры рубежа эр. Отразившееся в нашей эпиграмме представление о том, что в Аиде (т.е. подземном царстве мертвых) существует специальное место, отведенное для благочестивых ($\chi\omega\rho\omicron\varsigma$ $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\omega\nu$ или $\delta\omicron\mu\omicron\varsigma$ $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\omega\nu$), довольно широко представлено в надгробных надписях. Так, например, в эпиграмме I в. до н.э. с Наксоса IG XII. 5. 62, составленной от лица умершего, говорится, что он отправился в Аид, но живет там $\omicron\upsilon\kappa$ $\chi\epsilon\lambda\alpha\iota\nu\omicron\nu\omicron\varsigma$ $\epsilon\phi$ υ $[\delta] \alpha\sigma\iota\nu$, $\omicron\upsilon\delta\delta\epsilon$ $\kappa\epsilon\lambda\alpha\iota\nu\omicron\nu\omicron\varsigma$ $\tau\acute{\alpha}\rho\tau\alpha\rho\omicron\nu$, $\acute{\alpha}\lambda\lambda\acute{\alpha}$ $[\delta] \acute{\omicron}[\mu\omicron\upsilon]\varsigma$ ϵ $[\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\omega\nu]$. Иногда этот «хороший квартал» Аида, отведенный для благочестивых, отождествляется с жилищем Персефоны (как в женских, так и мужских надгробиях), как, например, в надписи GVI 805 из Нисира в родосской перее (начало II в. до н.э.: умершая живет в $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\omega\nu$ $\chi\omega\rho\omicron\varsigma$ и является там паредрой Персефоны) или в IG XII. 3. Suppl. 1190 с Мелоса (умершая живет в $\delta\omicron\mu\omicron\alpha\tau\alpha$ $\Phi\epsilon\rho\sigma\epsilon\phi\acute{\omicron}\nu\alpha\varsigma$ $\chi\omega\rho\omega$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\epsilon\upsilon\sigma\epsilon\beta\epsilon\omega\nu$), или же с жилищем Плутона и Персефоны. Так, в надгробной эпиграмме учителя словесности с Родоса (IG XII. 1. 141) нача-

ла II в. до н.э. сообщается о его пребывании в той же εὐσεβέων χώρος, где его принимают Плутон и Кора, а также Гермес и Геката, а в надписи на могиле врача из фессалийской Трикки I в. до н.э. говорится о том, что благосклонный Плутон отправил его χώρον ἐς εὐσεβέων, где он же совместно с Персефоной пригласил его к себе χρύσειον εἰς πρόπυλον (IG IX. 2. 313). В пантикапейской эпитафии КБН 130 тот же мотив дополнительно развит: Плутон (который к тому же противопоставляется Аиду) не просто принял умершую в своем жилище, но и сделал ее своей супругой. Обычно же надписи, как и публикуемая, более лаконичны и, не вдаваясь в детали топографии загробного мира, просто помещают покойного в «место/дом благочестивых» в Аиде. Приведу лишь несколько примеров, число которых легко может быть увеличено: SEG XXXIV. 325 (Олимпия, ок. 100 г. до н.э.: Аид похитил и отправил χώρον ἐπ' εὐσεβέων); SEG XXXV. 630 и XXXVIII. 590 (Лариса, Фессалия, 150–200 гг. и Бероя, Македония, II в. н.э., практически идентичные формулировки: Персефона приняла умершего χώρον εἰς εὐσεβέων); GVI 1474. 1349 (Делос, начало I в. до н.э. и начало I в. н.э.)¹³; GVI 1740. 14¹⁴ (Аттика, I в. до н.э.); IG XII. 8. 38 (Лемнос, II в. н.э.). Несколько необычный поворот этой темы находим в эпитафии I–II вв. на могиле 12-летнего мальчика из Орестиды в Македонии¹⁵, которого Аид не пощадил и увел под землю, и теперь мальчик лежит ἠθέων τε καὶ εὐσεβέων ἐνὶ χώρῳ. Здесь примечательно не только приравнивание неженатых, невинных юношей к праведникам, но и то, что умерший не просто пребывает на «участке» благочестивых в Аиде, но и телесно лежит там (ср. также эпитагму с Пароса – IG XII. 5. 304).

Из территориально особенно близких надписей можно назвать ольвийское надгробие Мойродора (IOSPE I². 226) II в. до н.э., завершающееся просьбой к божеству отправить умершего εἰς δόμον ε[ὐσεβέων]. Аид здесь прямо не называется, но именно он подразумевается в пятой строке, как отметил еще В.В. Латышев. Близко нашему надгробию и надгробие того же времени (вторая половина I в. до н.э. – начало I в. н.э., шрифт весьма схож), поставленное в Пантикапее уроженцу Синопы Менодору, сыну Аполлония, погибшему в сражении на Боспоре (КБН 131). В надписи выражается уверенность, что умерший обитает в εὐσεβέων ἱερὸν δόμον. Аид здесь также не упоминается (случаев, когда в подобном контексте Аид не упоминается, а лишь подразумевается, немало и в надписях из других регионов), лишь говорится, что синопеец лежит в боспорской земле.

Как видно уже из приведенных примеров (а также из других, здесь не упомянутых), такое представление о географии подземного мира и о поселении благочестивых покойников в отдельном, отведенном для них его месте, где располагается и жилище Плутона и Персефоны (или прямо в их жилище), широко распространяется во II в. до н.э. и остается в моде примерно до II в. н.э. По-видимому, самое раннее свидетельство его существования дает надпись второй половины IV в. до н.э. из фессалийской Магнесии, призывающая Персефону принять умершего и поселить его на лугах благочестивых (εὐσεβέων

¹³ Couilloud M.-Th. Les monuments funéraires de Rhénée (Exploration archéologique de Délos faite par l'École française d'Athènes. 30). P., 1974. P. 211–213, № 481, 483.

¹⁴ Peek W. Attische Epigramme // Mnemosyne. III, 4. 1936–1937. P. 8–10, № 5.

¹⁵ GVI, 665; Ριζάκης Θ., Τουράτσογλου Γ. Ἐπιγραφεὶς Ἄνω Μακεδονίας. Αθήνα, 1985. P. 184–185, № 193.

λειμώνα)¹⁶. Характерная для более позднего времени терминология здесь еще не устоялась; впрочем, о луге благочестивых иногда упоминают и более поздние надписи, например эпитаграмма II–I вв. до н.э. из Навкратиса (GVI 1002: χῶρος ἔχει λειμών θ' ἱερὸς εὐσεβέων в Аиде).

«Место благочестивых» почти никогда не смешивается с Элизием или Островом блаженных, связанными с совершенно иными представлениями (ср. прямое противопоставление κελαινὸς οἶκος, т.е. подземного царства, и ἡρώων σηκοί в пантикапейской эпитаграмме второй половины I в. до н.э. – КБН 119; то же противопоставление – в эпитафии 148/9 г. н.э. из Saittai в Лидии: благочестивых Гермес уводит не на берега Ахерона, а на Элисейскую равнину, где с ними соседствуют герои). Единственные известные нам случаи, где можно подозревать такое смешение – относительно ранняя (вторая половина III в. до н.э.) надпись из Фессалии SEG XXXIV. 497 (εὐσεβέων εἰς νῆσον ἄγων Ἐριούλιος Ἐρμῶς ἄμμιγα τοῖς ἀγαθοῖς ὡς Θέμις ὠκίσατο) и надгробие врача Клавдия из Рима второй половины I в. н.э. (IG XIV. 1750: μετ' εὐσεβέων δ' ἐσμὲν ἐν Ἥλυσίῳ). Однако в обоих случаях отсутствует какая-либо связь с Аидом и тамошними божеествами: лишь εὐσεβέων заменяет традиционное μακάρων. В некоторых эпитаграммах, напротив, слово μακάρων заменяет εὐσεβέων, однако такой заменой дело и ограничивается – об Острове блаженных речь не идет (SEGO IV. 17/17/01. 8, Хома в Ликии, IV–III вв. до н.э.; GVI. 946. Калимн, II–I вв. до н.э.; 1346, Митилена, вторая половина II в. до н.э.); в эпитаграмме I в. н.э. из Смирны GVI 642 = SEGO 05/01/30 употреблены одновременно оба слова: умершая отправилась в дом Аида и живет в χῶρον μακάρων, в то же время σύνθρονος εὐσεβέσιν.

Строка 4. Здесь дважды встречается дорийская $\bar{\alpha}$ вместо эты (τάν, στάλαν). В боспорских стихотворных эпитафиях I в. до н.э. – I в. н.э., как и в метрических надписях всего античного мира этой эпохи, использование отдельных дорийских форм очень распространено, причем в ряде случаев содержание эпитафии заставляет исключить дорийское происхождение погребенного (КБН 124 – уроженка Амиса; 129, 130, 131 – уроженцы Синопы, ср. также SEG XXVI. 849, конец I – начало II в. н.э. – уроженец южного побережья Черного моря, скорее всего Амиса¹⁷) или делает его в высшей степени невероятным (последовательное погребение членов одной семьи, явно местных жителей: КБН 125, 127, 128, 132). Очевидно, доризмы в это время, как и ионизмы, воспринимались просто как признаки возвышенного поэтического языка, которые должны были отличать стихотворные эпитафии от текстов, написанных на обыденной койне. Соответственно, на основании использования дорийских форм в эпитафии никаких выводов о дорийском происхождении умершего сделать нельзя.

Слово ἐπιτυμβίδιος в причерноморских надписях засвидетельствовано впервые, да и вообще встречается крайне редко как в литературных, так и в эпиграфических текстах, причем исключительно поэтических (наряду с более распространенным ἐπιτύμβιος). Впервые оно засвидетельствовано в «Хозфорах» Эсхила (342: θρήνων ἐπιτυμβιδίων), затем – у Феокрита (VII. 23). В более позднее время оно встречается лишь на надгробиях. Поскольку это слово редкое, привожу полный список известных свидетельств: две эпитафии I–II вв. с Митилены

¹⁶ Ἀρβανιτόπουλος Α. Σ. Θεσσαλικά μνημεῖα. Αθήνα, 1909. Ρ. 442–444, № 194; GVI 1572.

¹⁷ Болтунова А.И. Надгробная эпитаграмма Диндиана // Studii clasice. 15. С. 125–130.

(IG XII. 2. 383, 10; 489. 10 = GVI 2023, 2039), надписи SEG XXVI. 777. 10 = IG X. 2. 1. 368 (Фессалоники, II в.), GVI 1614 = IG X. 2. 1. 1021, 4 (надгробие фессалонийца с территории современной Албании, II–III вв.), GVI 1333 = IG XIV. 1409, 9 (Рим, II–III вв.), SEGO III. 14/06/20, 7 (Лаодикея Катакекавмене в Ликаонии, IV в.), а также эпиграммы Григория Назианзина (Anth. Pal. VIII. 11. 2; 132. 6) IV в. Таким образом, речь идет об очень редком поэтическом слове, причем пантикапейская эпиграмма дает самое раннее его свидетельство в эпиграфике.

Строка 5 повествует о том, что умершего молодого человека, который, по всей видимости, был сиротой, похоронил на свои средства вырастивший его опекун.

Строки 6–7, последние в надписи, представляют собой традиционное в эпитафиях обращение к путнику, читающему эпиграмму (ср. в пантикапейских эпитафиях близкого времени: КБН 125, 127, 128, 129, 137, 142). Здесь стоят рядом два практически синонимичных глагола, ἄνωω и ἐκτελέω, означающих «заканчивать, завершать». Относящаяся к первому из них частица ἄν, согласно требованиям метра, создает долгий слог, таким образом, это слитная форма ἔων. Следовательно, ожидалась бы конъюнктивная форма следующего за союзом глагола ἄνωω. На камне, однако, стоит форма индикатива. Возможно, впрочем, что εἰ здесь передает ηι, как в дативе Ἰαίδει (см. выше). По-видимому, второй из глаголов управляет словом ἄτραλός – «путь, дорога», тогда как дополнение первого подразумевается. Можно полагать, что этот подразумеваемый объект – чтение текста. То есть автор эпиграммы от имени покойного желает здравия и благополучного завершения пути тому, кто прочитает до конца сочиненную им эпиграмму. Аналогичное пожелание страннику благополучно продолжить путь после прочтения эпитафии, но выраженное более искусно (правда, и здесь есть метрическая неправильность – краткий вместо долгого в десятой строке), находим на пантикапейском надгробии близкого времени КБН 128; да и само надгробие, сделанное из мрамора, а не из известняка, значительно лучшего качества, чем публикуемое, что, впрочем, не мешает резчику сделать ряд ошибок. Вообще же пожелание путнику после прочтения надгробия благополучно продолжить свой путь является одним из распространенных топосов в эпитафиях¹⁸.

Само слово ἄτραλός впервые встречается в причерноморских надписях, однако вообще в литературных текстах, в том числе в эпиграфической поэзии, употребляется нередко как в прямом, так и в метафорическом смысле (πολιτικῆ ἄτραλός, Plat. Plt. 258c; ἱστορίης ἄτραλός, IG II/III. 3669, 13; βίου ἄτραλός, SEGO IV. 17/08/04). В стихотворных эпитафиях оно встречается в сочетании ἄτραλός εἰς Ἰαίδαν и т.п. (например, IG VII. 2535. 3; SEGO I. 01/20/39), однако чаще, как и в нашем случае, в обращении к прохожему для обозначения той дороги, по которой он идет (например, GVI 1251 = IG II/III. 13102a. 1; SEG XXX. 218. В. 1; GVI 945. 1919 и др.). Глагол ἐκτελέω в эпитафиях встречается очень часто, но во всех известных нам примерах относится к умершему, указывая, что он завершил жизнь – напрямую (ἐκτελέσας βίον, ζωὴν и т.п. либо с указанием числа прожитых лет) или фигурально (наиболее часто – Μοιρῶν μίτον ἐκτελέσας). По-видимому, в последней строке фрагментированного надгробия гладиатора из Патраса, где читается τὴν ὁδὸν ἐκτέλεσα, также имеется в виду не прохожий,

¹⁸ Ср. *Lattimore R. Themes in Greek and Latin Epitaphs. Urbana IL, 1942 (repr. 1962). P. 235–237; см., например, GVI 920, 947, 1220, 1833 и многие другие.*

обращение к которому содержится в предыдущей строке¹⁹, а умерший. Таким образом, сочетание ἄτροπὸν ἐκτελέσας может вызвать ассоциации, которые автор эпиграммы явно не имел в виду. Как и в русском языке, фраза «заверши свой путь» приводит на ум не только (и даже не столько) пожелание счастливого пути, сколько пожелание смерти, причем именно у читателя надгробной надписи, мысль которого и так направлена в сторону смерти, возникновение этой ассоциации почти неизбежно (как, например, и пожелание «спи спокойно, дорогой товарищ» вряд ли кто-нибудь из современных носителей русского языка воспримет как простое пожелание спокойной ночи). Вероятно, именно поэтому авторы надгробий избегают такого рода сочетания в обращениях к прохожим, и наш текст остается чуть ли не единственным их примером. Возникновение таких неконтролируемых автором ассоциаций, разумеется, лишний раз свидетельствует о невысоком профессиональном уровне стихотворца, сочинившего эпиграмму.

Оценивая публикуемый текст в целом, можно сказать, что это пример продукции, создававшейся в I в. до н.э. – I в. н.э. на заказ в массовом порядке группой профессиональных сочинителей метрических эпитафий в Пантикапее. В нашем распоряжении уже имелась довольно представительная коллекция подобных эпиграмм, которая теперь пополнилась еще одним образцом. Публикуемая эпиграмма даже среди текстов этой группы не принадлежит числу лучших: она состоит из клише, характерных как для эпитафий этой эпохи вообще, так и пантикапейских надгробий в частности (счет возраста умершего по декадам, «место благочестивых в Аиде», обращение к прохожему и благословение его), причем автор выражается без всякого изящества, а в последних строках так и вовсе неуклюже. Кроме того, он с трудом справляется с метром, а также не раз отстывает и от общепринятых норм орфографии. В общем, это образец массовой и, видимо, недорогой литературной продукции, рассчитанной на весьма непритязательный вкус.

A NEW EPITAPH FROM PANTICAPAEUM

A. I. Ivantchik, V. P. Tolstikov, A. V. Kovalchuk

The contributors publish an epitaph in verse found in 2005 during the excavation of the acropolis of Panticapaeum. The script allows to place the inscription in the 2nd half of the 1st c. BC or the early 1st c. AD. It belongs to a big group of Panticapaeian epitaphs in verse of the 2nd half of the 1st c. BC – 1st c. AD cut in the same style and probably in the same workshop (CIRB 121–143 etc.). It is a specimen of mass literary production, presumably inexpensive and intended for very undemanding customer.

¹⁹ Rizakis A. *Munera gladiatoria à Patras* // BCH. 1984. 108. P. 536–537 = SEG XXXIV. 342.

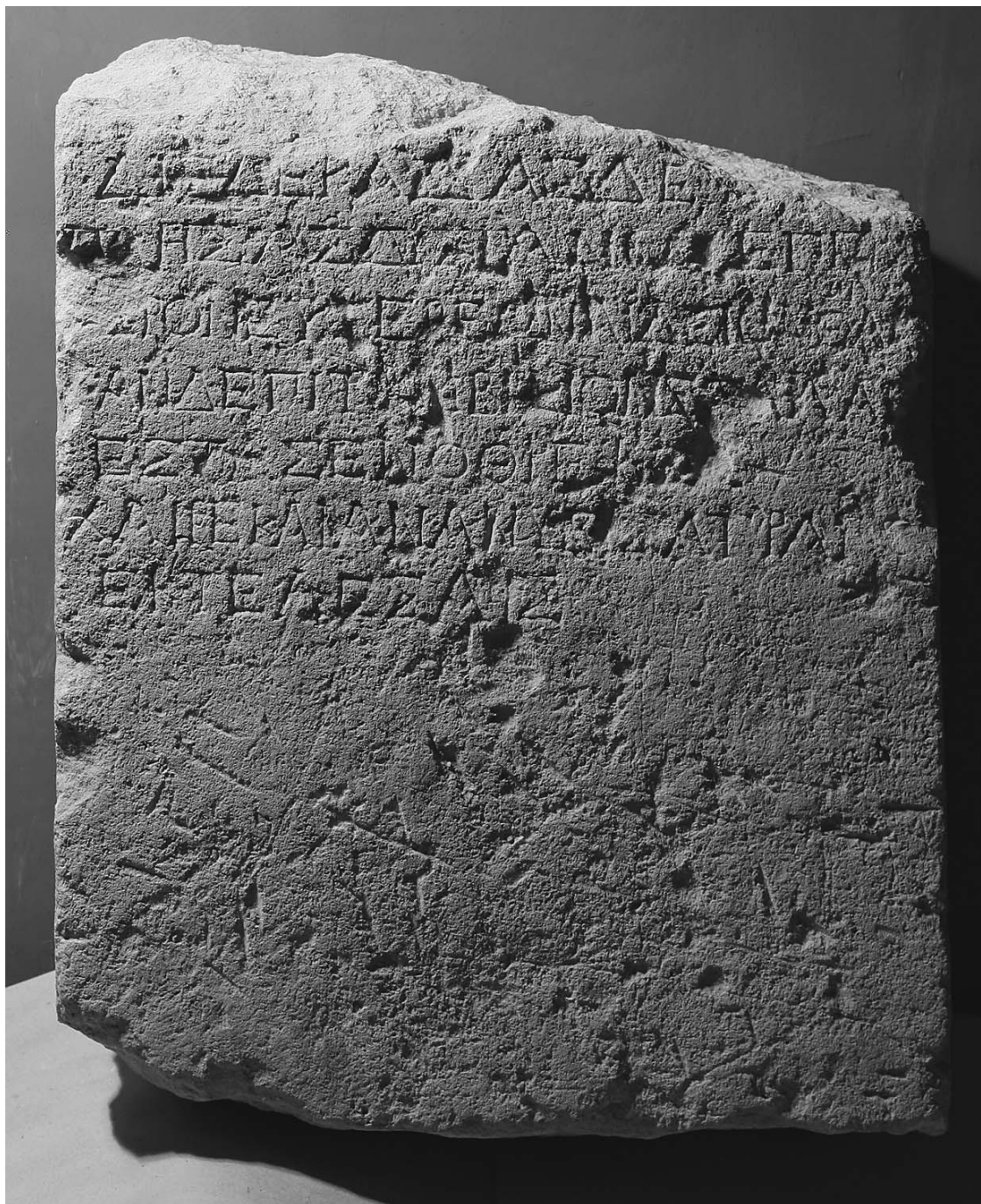

Рис. 4. Плита с надписью из Пантикапея